

Непарадная война парня из Биробиджана

Лев Звенигородский, Нетания

О ветеране Великой Отечественной войны, кавалере многих наград за боевые и трудовые заслуги, долгое время до ухода на заслуженный отдых работавшем заведующим финансовым отделом Биробиджанского горисполкома Ефиме Звенигородском, рассказал его сын, журналист Лев Звенигородский.

Мой отец, Ефим Звенигородский, не очень любил рассказывать о войне. На мои мальчишеские вопросы отвечал односложно – мол, что рассказывать, когда погибают люди. Даже уже будучи пожилым, он по возможности «отлынивал», когда по заданию Совета ветеранов надо было ходить в школы, встречаться с молодежью. И не потому, что был не очень хорошим оратором, а потому что считал, что никакой он не особенный, в те годы все были героями, поскольку освобождали свою страну, защищали от гибели свои семьи.

И все же иногда мне удавалось его разговорить, и он кое-что рассказывал о войне. Это не были «парадные» рассказы, коих ныне столько печатают разные издания. Это были некоторые ситуации, рассказанные просто, по бытовому, что ли...

Со своей частью он прошел от Сталинграда до Праги. Был связистом в артиллерийском полку, ранен, контужен, награжден медалью «За отвагу» и орденом «Славы» третьей степени, ему было объявлено 17 благодарностей Верховного Главнокомандующего.

В числе освобожденных городов — Могилев, Харьков, Яссы, Рымнику, Будапешт, Братислава. В сохранившихся в семье документах — еще десятки городов и форсированных рек, среди которых Прут, Днестр, Тисса... Был представлен еще к одному ордену «Славы», но тут война закончилась...

Папа – десятиклассник

После окончания школы в 1941-м попросился в училище красных командиров. Направили на учебу радистов в Ворошилов, ныне Уссурийск в Приморье. В сорок третьем отправили на фронт, в самое пекло - под Сталинград.

Биробиджан, где жила семья, в теплушках проезжали днем. Поезд остановился, и он попросил пробежавшего мимо мальчишку сбегать на работу к отцу, позвать его. Мальчишка убежал. Поезд тронулся, и, спешивший на встречу с сыном Давид Звенигородский, только и успел, что помахать ушанкой вслед уходящему поезду. Папа мне потом говорил, что он деда узнал издалека...

Как-то, насмотревшись фильмов о войне, коих в годы моего детства было немало, и где наши убивали немцев сотнями, я спросил его, а убивал ли он врагов. Я уже понимал, что нормальному человеку убивать людей непросто. И это для меня был не праздный вопрос.

Он ответил честно: «Когда идешь в атаку и стреляешь по врагам — особо думать не приходится. Стреляешь вперед, а попал или не попал — сам не знаешь, ты попал во врага или кто-то бегущий рядом. Но ты хорошо понимаешь, что если не ты его застрелишь, то он тебя уж точно. Так что тут - кто быстрее... А так, чтобы я видел и понимал, что вот этого «фрица» я убил — такого не было».

Надо сказать, что к своим наградам, полученным на фронте, отец относился бережно. Видно было, что их он ценит и знает, что получил за дело. А вот к остальным, так сказать «юбилейным», орденам и медалям - с некоторым пренебрежением. Может быть, потому что с начала 60-х годов их вручали всем участникам войны.

А потом и вовсе не участникам, а так называемым ветеранам, большинство из которых пороха и не нюхало, и смертей близких друзей от пуль и снарядов не видело. Хотя все юбилейные медали и орден «Отечественной войны» II степени на его парадном пиджаке всегда были в полном порядке и, как он любил говорить - «по ранжиру и по жиру».

А награды были непростые. Медаль «За отвагу!» вручали только за настоящие подвиги, и в солдатской среде она была более уважаема, чем иные ордена. Да и орден «Славы» тоже был очень почитаемым в среде фронтовиков.

Свой орден он получил за то, что форсировал небольшую речку и вызвал огонь на себя. Плавать он до конца жизни так и не научился. А речушка, хотя и была небольшой, довольно глубокая и холодная.

«А что было делать?! - рассказывал он. - Приказ есть приказ. Выполняй, и, если не получится, погибай. Нашел какое-то бревно, с ним и перебрался на другой берег. Самое

главное было – не утопить радиостанцию, ведь надо было вызывать огонь на себя. Не утонул, не убили. Вот и герой!».

Рассказывал как однажды, в самом начале его участия в боевых действиях во время марша налетела немецкая авиация. Бомбили нещадно. Все, как учили, стали прятаться кто где может, в основном в придорожных кюветах и углублениях...

Когда самолеты ушли, шуткам не было конца - кто как мог, так и прятался... Один балагур очень смешно изображал, как прятался мой отец, при этом добавив, что понятно, ведь еврей, а потому трус, и не хочет умирать. Отец ответить на обиду не успел, снова налетели немцы. Он один остался сидеть на дороге, на самом виду.

«И больше никогда на войне я не прятался. Понял, что мне с моей национальностью этого делать не надо, - рассказал однажды он. - А тот «шутник» так в строй и не вернулся, погиб в кювете, так что «дать ему в морду» я не успел!».

Рассказывая, как брали Киев, он, посмеиваясь, говорил, что дважды по приказу «драпали» от немцев, оставляя позиции, а потом снова били их, и «драпали» уже немцы.

Во время одного такого панического отступления он в окопе оставил свою радиостанцию. Собрать ее не было времени, столь стремительно убегали. Когда на новых позициях командир поинтересовался, где станция, ответил, что оставил в окопе. «Ну смотри Ефим, не найдешь, под трибунал пойдешь за оставление врагу военного имущества», - угрожающе сказал офицер.

«И в следующее наступление первым делом к своей радиостанции побежал, собрал ее и готовился к отступлению во всеоружии, - весело рассказывал он. - Но отступить не пришлось, Киев взяли»...

Весной 45-го в Румынии

Некоторые его рассказы героическими и вовсе не назовешь. Например, однажды пришлось с двумя товарищами ночевать в скирдах. Утром проснулись от голосов. Услышав немецкую речь, затихли, боясь шелохнуться. Поговорив о чем-то своем, немцы ушли, а они потом полдня догоняли отступившую ночью часть. Конечно, там уже решили, что они погибли. А когда увидели живыми, очень удивились. Может, и наказали бы за отставание от части, да было время наступлений, не до того было.

А вот еще один эпизод, эпизод грустный, но который давал представление, как там было — фронте. В Румынии, когда заняли какую-то деревню, их расселили по крестьянским домам. Хозяева оказались людьми приветливыми, пригласили бойцов за стол, налили своего домашнего вина, накормили. А потом и спать уложили. Отец лег и сразу же заснул. Была у него такая особенность - как выпьет, его ко сну тянет.

А тут кто-то из ребят приволок большую бутылку со спиртом. Ну и веселье снова продолжилось. «Ефим, вставай, смотри, сколько спирта!», - звали его не раз. Но разоспавшийся уже отец не поднялся.

Утром проснулся от диких криков. Все, принимавшие участие в вечерней пьянке, орали не своими голосами — они ослепли. Двоих так и не добудились — умерли. Спирт оказался метиловым...

Пришлось на фронте быть ему и переводчиком. Конечно, весьма условно, потому что хотя идишь и похож на немецкий, но некоторые слова и выражения отец не понимал. Когда

пересекли границу и стали в огромном количестве брать в плен «языков», переводчиков на всех не хватало.

Вот тогда-то, случайно, когда командиры пытались понять какого-то пленного немца, папа пояснил, о чем тот говорит. Ну и пошло — как приводили «языка», звали Ефима. Правда, не всегда он оправдывал ожидания воинского начальства, потому что в деталях перевести, о чем говорит противник, просто не мог.

...Однажды на Украине освободили деревню Звенигородку. Ну тут уж шуткам по поводу того, что он, наконец, приехал на родину, не было конца. А хозяйку приютившего их дома вообще ввели в шок.

Папа так рассказывал этот комичный эпизод: «Захожу я в дом, куда меня определили и где расположились наши бойцы, а один из них говорит хозяйке дома: «Вот бабка, смотри, ваш хозяин деревни вернулся!». «Да ну вас!», - пожилая женщина в ответ махнула рукой. А Иван, с которым мы от самого Сталинграда вместе, говорит: «А ты, Ефим, покажи-ка ей свой военный билет!». Я вытащил билет, ухмыляясь показываю...

И вдруг она упала передо мной на колени и стала поклоны бить, и прощения просить, что не признала сына хозяина. Мне так стыдно стало, что мы над старой женщиной издеваемся. Бросился я ее поднимать, извиняться, объяснять, что фамилия у меня просто такая... Не поверила. Утром, когда мы уходили, еще не раз поклоны отбивала...».

Рассказывал он и о не очень приятных вещах, которые происходили уже под самый конец войны. Был в их части старший лейтенант, интендант. Пока все воевали, он по домам шастал, разный скарб выискивал. Где шкаф старинный утянет, где мотоцикл новый немецкий, где картины. А уж ковров и всякой одежды — и не перечесть. В общем, мародерством обыкновенным занимался.

И с рук ему сходило, потому что интендантам вроде как положено. Они старшим офицерам не один вагон вещей собирали. Ну и о себе не забывали. Как говорил папа, вагон вещей набрал. Да над всеми посмеивался: «Что же вы ничего не берете? Все дармовое, а дома в хозяйстве пригодится!».

Уже и война кончилась, все ждали отправки на родину. А он вагон вещей отправил домой, и на радостях напился «до потери пульса». В прямом смысле. Утром его нашли его труп в канаве с пробитой головой...

С фронта папа привез две вещички, которые, видимо, были для него дороги — расшитый цветными нитками кисет для махорки и зажигалку, которую фронтовые умельцы смастерили из стреляной гильзы. Я их помню. Они долго хранились у него в какой-то коробочке, а потом, при переездах из одной квартиры в другую как-то исчезли...

День Победы он встретил в Праге. Готовились к параду. Как рассказывал сам: «Уже чистили сапоги, да бляхи на ремнях драили до блеска, а тут вдруг команда — на построение. А там сразу объявили, что снова в бой. Где-то под Прагой немцы отказались сдаваться, продолжали сопротивляться. И это на третий день после объявления Победы!».

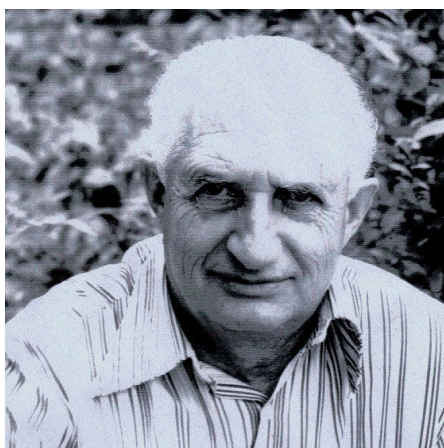
Приказ есть приказ. Тяжело было снова воевать, когда уже, казалось бы, до отправки домой оставались считанные дни. «Много народу там полегло уже после Победы, - говорил он с горечью. - Я видел много смертей, погибали близкие друзья, но почему-то их — погибших уже после окончания войны - было особенно жаль».

К сожалению, таких эпизодов мне из него удалось вытянуть немного. О его достойном воинском пути свидетельствуют документы военной поры, которые сохранились в семейном архиве.

И еще один штрих из его военной биографии. В 1987 году ему в день рождения на работе подарили книгу о Георгии Константиновиче Жукове. Как раз тогда вышел альбом с фотографиями, посвященными известному полководцу. Папа принес его домой, и сразу же, не открывая, поставил на книжную полку.

На мой вопрос, почему он даже не заглянул в книгу, ответил, что плохо относится к великому полководцу.

«Знаешь, - сказал он. - Я его видел-то всего один раз, но после той встречи не могу о нем даже слышать, не то, чтобы читать его воспоминания!».

Папа в последние годы жизни (все фото – из семейного альбома)

И рассказал, что уже после войны их часть направили в Одесский военный округ. Дело было летом. Шли пешком, в пыли. Жара была страшная. Конечно, строй держать и шагать в ногу вчерашние фронтовики не то, чтобы не хотели, а и просто не могли. Вода, которую утром набрали во фляжки, закончилась, а новую никто не догадался подвезти.

Вдруг откуда-то с тыла, обогнав тянувшихся по дороге солдат, выскочил американский джип. Он обогнул неровный строй, и из него бодро выскочил генерал. В нем все узнали Жукова.

Он подозвал к себе командира батальона, поставил его по стойке «смирно» и, схватив за горло, издевательски спросил: «Это что за строй! Почему не застегнуты воротнички?». И, сорвав с комбата погоны, отстегал его при всем строе нагайкой. Затем, быстро вскочив в машину, уехал.

«Мы все стояли, как оплеванные, - рассказывал папа. - Нам было стыдно за Жукова, было искренне жаль комбата, который вместе с нами прошел с боями тысячи километров. Он был немолодым уже человеком, мудрым командиром, который просто так людей на пушечное мясо никогда не отправлял. И его очень любили. Так что для меня Жуков вот таким в памяти и остался. Навсегда».